

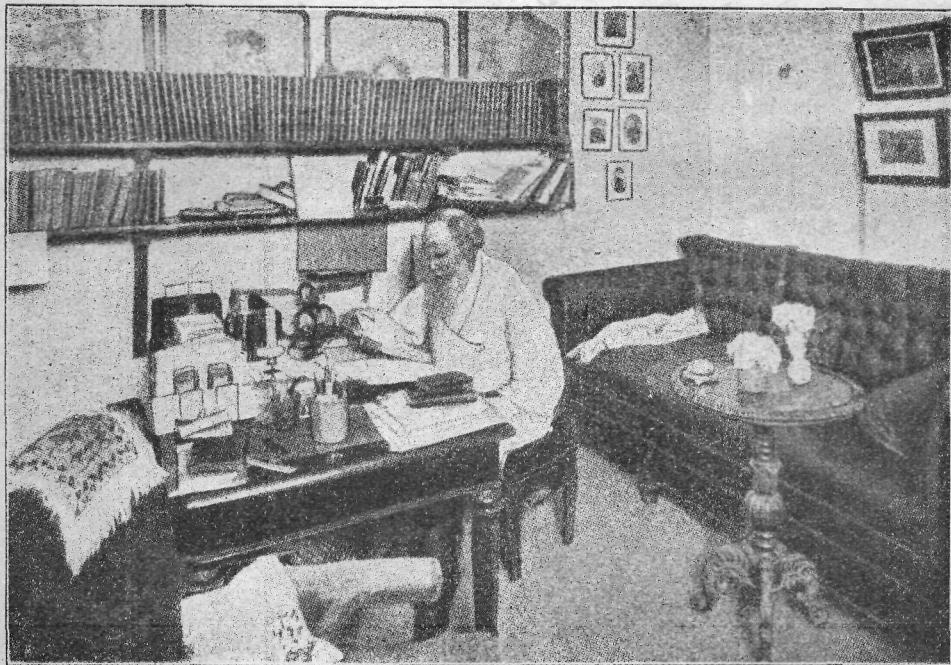
95 2
215

Николай Апостоловъ.

Религиозно-анархические идеи

Льва Толстого

И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПСИХОЗЪ.

Издание 3-е дополненное.

Предисловіе къ I-му изданію.

Настоящая статья является сжатой и округленной выдержкой изъ лекцій по исторіи революціонныхъ и анархическихъ ідей въ русской литературѣ и публицистикѣ (въ частности, въ творчествѣ Л. Н. Толстого), читанныхъ авторомъ (въ пользу пострадавшихъ за свои убѣжденія) въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Полтавѣ и мн. др. городахъ.

Восьмая годовщина со дня смерти¹ Л. Н. Толстого совпала съ тяжелымъ моральнымъ кризисомъ, переживаемымъ не только одной Россіей, но и другими,—такъ называемыми «культурными»—государствами.

Горящее зданіе слѣдуетъ тушить тогда, когда оно горитъ,—хотя авторъ этихъ лекцій часто слышалъ отъ своихъ оппонентовъ возраженія въ томъ смыслѣ, что прекрасная идея мира сейчасъ, во время междоусобныхъ войнъ, неумѣстна, что о «мирѣ» надо кричать тогда, когда онъ есть, а когда война,—надо и кричать о войнѣ, т. е., что въ теплую погоду надо носить теплую одежду и въ холодную—холодную одежду.

Во имя великаго строителя новой жизни—Льва Николаевича Толстого авторъ предлагаемыхъ инынѣ простыхъ словъ на самую важную въ жизни тему призывалъ и теперь призываетъ служить инымъ идеямъ, идеямъ истинной свободы, истинного равенства и истинного братства. И этимъ опредѣляется цѣль изданія настоящей статьи. Мысли, въ ней высказанные, многимъ могутъ показаться непривычными для нашего современнаго слуха. И это автора не пугаетъ. Одного онъ боится: быть не вѣрно понятымъ и не услышаннымъ въ наше безталанное время.

«Старца всликую тѣнь чую смущенной душой».
А. Пушкинъ.

Въ суетливомъ потокѣ событий, развернувшихся передъ нами въ послѣдніе годы, мы до сихъ поръ не успѣли разглядѣть общей безпринципности нашихъ теперешнихъ соціальныхъ и индивидуальныхъ исканій. Кругомъ настѣ бушуютъ пошлыя и жадныя чувства, и мы неразборчиво ищемъ причины ихъ въ самыхъ разнообразныхъ политическихъ традиціяхъ и условіяхъ нашей жизни, совершенно теряясь въ «научныхъ» догадкахъ, а, главное, забывая объ *этической* сторонѣ происходящихъ братоубийственныхъ смутъ. Когда то нашъ «поэтъ въ поэтахъ первый» Пушкинъ писалъ въ «Капитанской дочки»: «Не приведи, Богъ, видѣть русскій бунтъ,—бессмысленный и безпощадный». И вотъ Богъ, къ которому обращался поэтъ, привелъ настѣ видѣть этотъ русскій бунтъ, явившійся, конечно, слѣдствіемъ сложныхъ историческихъ и современныхъ причинъ.

Какъ могло случиться, что народъ-богоносецъ, народъ, создавшій каликъ перехожихъ и юродивыхъ, народъ, жившій падомничествомъ и столбничествомъ, употреблявшій мощи въ видѣ лекарства, цѣловавшій пропахшія табакомъ руки сельскихъ шоповъ въ безчисленныхъ молитвенныхъ заведеніяхъ, разсѣянныхъ по Россіи,—этотъ народъ при первомъ глоткѣ свободнаго воздуха кинулся братъ на брата. Послѣ долгихъ и тяжкихъ испытаній въ терпѣніи и смиреніи—загудѣли по Руси древніе колокола, закружились улицы, заметались люди, и—Русь пошла. И теперь поистинѣ прорваны все плотины, снесены все пристани, и разоренные люди ждутъ, когда все вновь спадетъ и войдетъ въ свои берега.

Сейчасъ, развѣнчивая нашихъ старыхъ и—уже!—новыхъ боговъ, обращаясь отъ настоящаго къ прошедшему, въ поискахъ за авторитетными совѣтами неумирающихъ учителей человѣчества, мы забыли одно великое имя русскаго (больѣ того—мирового) мыслителя, остановившаго на себѣ вниманіе всей исторіи будущей человѣческой жизни. Это имя—Левъ Толстой.

I.

«Стоитъ ли жить, если правда метрва?»
Вл. Соловьевъ.

Левъ Толстой—наше великое недавнее прошлое, но всеѣ его образы, мысли, слова и призывы—все это имѣть свой особый, иной возрастъ. Все

это *старше* насть. И намъ надо спѣшить дорости до его⁷ идей, чтобы не считать ихъ, наконецъ, «утопіями».

Если Толстой, какъ художникъ-моралистъ, распростерся въ міровой плоскості, то корнями своихъ ученій онъ органически приросъ къ русской почвѣ.

Личность Толстого—такая многогранная и такая цѣльная—получила свое воспитаніе среди всевозможныхъ «самодержавныхъ» нравовъ, уродливыхъ обычаевъ, кровавыхъ законовъ и религіозныхъ нелѣпостей, какими полонъ нашъ «край родной долготерпѣнья». Первоначальныи толстовскій «нигилизмъ», его проповѣдь «опрощенія», смиренія и апофеозъ мужика—все это родная русская стихія, которая единить его съ современными ему писателями, трооавшими не опуститься, но «возвыситься» до «народа». Но всѣ эти утвержденія Л. Толстого были въ его дѣятельности лишь первопутками.

Л. Толстой посвятилъ всю свою жизнь самому трудному въ жизни—«духовному» ремеслу: онъ искалъ истину. Искаль Бога.

Люди привыкли на себѣ носить огромныя тяжести; они выносятъ на своихъ плечахъ все бремя своей жизни, часто цѣлые судьбы своихъ близкихъ людей. Но самый страшный кладъ, какой пришелся на долю человѣка, это тотъ кладъ, который онъ носитъ *въ самомъ себѣ*, въ душѣ своей,—это религіозное исканіе смысла жизни, правды этого міра. Правду, какъ все драгоценное, человѣчеству суждено искать. Ложь, какъ трава, заросла по землѣ. Ложь всегда есть, ее всегда можно найти, она всегда права въ жизни, потому что не ищетъ себѣ оправданія. А правду надо оправдать, реализовать, внѣдрить въ жизнь, и задача такого оправданія принадлежитъ всему человѣчеству.

«Стоить ли жить, если правда мертвa?» восклицаетъ Вл. Соловьевъ. Незадолго до смерти Иисуса Христа, Пилатъ, этотъ характерный скептикъ кесарева міра, который все никакъ не могъ понять, въ чемъ, собственно, виновенъ Христосъ, въ разговорѣ съ нимъ, ставъ въ пренебрежительную позу и услышавъ отъ Иисуса, что тотъ «пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ» (Іоанна, XVIII, 37—38), спросилъ его: «Что есть истина?»—Повернулся и пошелъ, насмѣшили улыбаясь... И въ этой фразѣ—цѣлая философія эпохи, и философія цѣлыхъ эпохъ, вплоть до нашего времени.

Истина Иисуса Христа, которую такъ не понималъ Пилатъ, вмѣщалась въ одной заповѣди, это было одно слово, и слово это было: любовь.

А нынѣшніе «христіане», забывъ первый и послѣдній параграфъ своей «вѣры», отложили разрѣшеніе этого вопроса объ истинѣ до «второго пришествія» Иисуса: тамъ, на «страшномъ судѣ» все разберутъ,—мечтаютъ эти дряблые и пассивные мыслю и духомъ люди.

Но если Христосъ приходилъ и будеть приходить къ намъ въ блестящихъ легендахъ, создаваемыхъ нашими Достоевскими, то въ жизни нашей онъ никогда не придетъ и не повторить своей истины. Слишкомъ много сейчасъ на землѣ Пилатовъ, чтобы мы могли даже призывать его къ себѣ. И потому—чтобы жить, надо знать истину. Никто намъ не отвѣтить на небѣ, когда мы спросимъ на землѣ.

II.

«Прямыми сдѣлайте стѣзи ему...
Евангеліе Луки, III, 4.

Мы начали съ Константина равноапостольного и кончили Константиномъ Побѣдоносцевымъ (какъ удачно подмѣтилъ Д. Мережковскій), и наша Россія, это величайшее захолустье міра, въ которомъ живетъ великий дикарь-мученикъ, нашъ мужикъ, служить показательной иллюстраціей грандіознаго распада религіозныхъ основъ нашей жизни.

Въ атмосферѣ этого общественного распада и сформировался постепенно религіозный и политический «анархизмъ» Л. Толстого. Свой путь Л. Толстой началъ съ евангелія. Продолжалъ—евангеліемъ. И кончилъ—евангеліемъ.

Эта книга не была въ глазахъ Л. Толстого какой-то божественно-погносторонней книгой, которую надо не читать, а говорить нараспѣвъ, которую надо переплетать въ золото и цѣловать. Это была книга разума и любви,—и потому ее нельзя было не признать основой всего нашего пребыванія на землѣ. Въ ней были собраны великие, святые и поэтические афоризмы, которые узорились искрами подлинной любви и духовнаго величія. И такой пан-идеальной жизни, жизни по евангельскимъ афоризмамъ, и учить Л. Толстой въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ о жизни, которые являются дѣйствительно цѣлыми тропарями истинѣ, разуму и любви.*

Изученіе Л. Толстымъ евангелія было многоглѣтней, крохотливой, ажурной работой надъ текстомъ четырехъ евангелистовъ. (Трудъ этотъ былъ, какъ извѣстно, уничтоженъ невѣжественными прислужниками царскаго двора).

Мы съ вами привыкли все начинать отъ печки. Л. Толстой началъ съ азбуки. Продетализировавъ каждую сокровенную мысль евангелія, углубившись во всѣ его темные уголки, Л. Толстой нашелъ его подлинное, рационалистически—приемлемое, его старое русло, и по этому руслу и поплылъ.

Для всѣхъ европейцевъ, вкушившихъ сладость «офиціальной» вѣры, далеко не секретъ то обстоятельство, что евангельскія истины въ теченіе многихъ вѣковъ окрашивались въ различные тона, въ зависимости отъ политическихъ вѣяній въ тѣхъ или иныхъ государствахъ. Русская церковь, въ частности, не брезгала никакими наслоеніями и искаженіями святыхъ словъ. Наше синодальное православіе, привыкшее играть двусмысленностями, работѣло служившее царизму и обскурантизму, стремилось «божескими» законами оправдать человѣческія насилия, государственный произволъ, смертную казнь и т. д. Легко можно себѣ представить, что и до сихъ поръ существуютъ люди, которые, въ своемъ безстыдствѣ, пы-

*) См. Въ чёмъ моя вѣра», «Царство Божіе внутри васъ», «О жизни», «Такъ что же намъ дѣлать», «Въ чёмъ счастье», «Законъ насилия и законъ любви», «Единственное средство», «Единое на потребу», «Одумайтесь» и мн. др., изложеніе идей которыхъ не составляетъ задачу настоящей статьи, но обстоятельную передачу содержания коихъ читатель можетъ найти въ недавно вышедшей, одобренной еще Л. Толстымъ, книгѣ В. Булгакова «Христіанская этика».

таются даже съ евангельскими цитатами въ рукахъ доказывать возможнѣсть для христіанина како-бы то ни было убийства.

Этимъ общимъ циничнымъ отношеніемъ къ смыслу евангельскихъ заповѣдей, притчъ и исторически-возможныхъ эпизодовъ и обусловился весь религіозный критицизмъ Л. Толстого.

Л. Толстой уяснилъ себѣ ученіе Христа въ его дѣвственномъ видѣ. Онъ понялъ евангеліе такъ, какъ оно написано. Слова «не убий» онъ понялъ въ смыслѣ «не убий» (и никакъ не иначе, какъ понимается теперь), слова «не противься злому» онъ понялъ въ смыслѣ «не противься злому», слова «не судите», «не осуждайте» и т. д. онъ понялъ въ смыслѣ «не судите», «не осуждайте» и т. д.

Уяснивъ это новое для себя пониманіе жизни, Л. Толстой узналъ буквальную, солнечную правду христіанской морали, и каждый темный уголокъ евангельскихъ страницъ теперь свѣтился передъ его прозрѣвшими глазами своимъ теплымъ и живымъ свѣтомъ.

Л. Толстой понялъ, что зло этого міра можетъ быть искоренено лишь добромъ, лишь словомъ и убѣжденіемъ, что противиться злу злому—это не только не значитъ уменьшать это зло, но это значитъ его умножать; что молиться надо не въ храмахъ или подъ хоругвями и знаменами, а въ духѣ, разумѣ и истинѣ; что нельзя никого судить и осуждать, а тѣмъ болѣе кого бы то ни было приговаривать къ казни или убивать.

Отица въ дѣлахъ религіи всякую власть, всякія іерархіческія перегородки, требуя отъ нея дѣйствительный максимумъ и въ то же время объединяя ее върой въ высшій разумъ и высшую любовь, въ это великое, святое тождество, Л. Толстой устремляетъ весь свой духъ и помыселъ на то, чтобы не антихристосовствовать, а углубить Христа, приложить его рафинированныя мысли къ жизни и на первомъ мѣстѣ поставить вопросъ о личномъ самосовершенствованії.

Необходимо создать «личность» въ ея свѣтломъ, первородномъ видѣ, а потомъ уже создавать «человѣчество», какъ сочлененное цѣлое. Залогъ културной общественной жизни заключается не въ соціальныхъ ея формахъ, а прежде всего въ ея духовной и моральной координаціи, направленной къ росту добра.

Религія и служить дѣлу такой духовной и моральной координаціи. Правда и любовь, любовь и правда—вотъ весь алфавитъ нашей жизни, вотъ тѣ начала и концы, которые исповѣдуются и «христіанствомъ» (въ лицѣ Иисуса), и буддизмомъ, и конфуціанствомъ, и браманизмомъ, и стоицизмомъ, и іудаизмомъ, и греческой мудростью...

III.

«Для насъ ничто такъ не безразлично, какъ государство». Тертулліанъ.

«Человѣкъ доброго характера живетъ не въ себѣ одномъ, а во внѣшнемъ мірѣ, который онъ сознаетъ односущнымъ себѣ».

Шопенгауэръ.

Разумъ этой любви и правды, таящійся въ строкахъ евангелія и скрытый напими офиціозными толкователями религіозныхъ доктринъ

(въ видахъ наиболѣе якобы доказательного оправданія всѣхъ аномальныхъ условій и устоевъ нашей общественно-политической жизни) есть также сердцевина и Толстовской религії, на которой построено и все его учение о жизни, о наукѣ, обѣ искусствѣ и т. д.

Въ жизни Л. Толстой искалъ не безжизненность ея, не аскетическую мертвеннность, но ея духовную, религіозно-общественную полноту, развитие всѣхъ ея непреложныхъ альтруистическихъ задачъ, и если, по замѣчанію М. де-Вогюэ, «надо составлять драмы подобно Шекспиру и романы подобно Голстому, чтобы дѣйствительно дать намъ почувствовать величие жизненного пути», то, мы скажемъ, надо быть и такимъ глубокимъ писателемъ—моралистомъ, какъ Л. Толстой, чтобы это «величие жизненного пути» претворить въ дѣйствительный и единственный смыслъ нашего существованія.

Высочайший источникъ правды и любви и видѣль Л. Толстой въ религіозномъ искательствѣ тѣхъ «видныхъ, ясныхъ, несомнѣнно нравственныхъ истинъ (какъ писалъ онъ позитивисту Фрею), которая выдѣляются изъ хаоса ложныхъ и обманныхъ сужденій».

Идя до послѣднихъ необходимыхъ предѣловъ въ своемъ синтезѣ, Л. Толстой привлекаетъ къ дѣлу служенія идеямъ добра, любви и христіанского единенія всѣхъ людей—и искусство, и науку,—не ту богословскую или экономическую науку, которая является «апологіей насилия», а ту науку, которая выясняетъ человѣчеству истинные пути его прошлой, настоящей и будущей жизни.

Привлекая такую науку и органически связывая ее съ искусствомъ и религіей, Л. Толстой несетъ принципы личнаго этическаго развитія—въ сложную эволюцію всей человѣческой массы. И въ этомъ заключается неизмѣримый радіусъ его философскихъ построений.

Всѣ религіозныя истины, всѣ художественные идеи искусства и всѣ разумные и важные результаты научныхъ изслѣдований—все это должно энциклопедически служить человѣчеству. И потому все это должно быть просто и непорочно-ясно для всѣхъ.

Л. Толстой, жизнь которого была сложной симфоніей творческихъ радостей и страданій, шелъ къ истинѣ путемъ простыхъ словъ и простыхъ понятій и отбрасывалъ въ сторону все утрированное, ходульное и мистически нелѣпое... Это стремленіе къ простотѣ гармонически и сознательно совпадаетъ у Л. Толстого со стремленіемъ къ добру, любви и разуму. Мотивъ общечеловѣчности евангельскихъ истинъ, всенародности, всеобщаго ихъ пониманія и потому братскаго единенія обнимаетъ собою все ученіе Л. Толстого.

Въ центрѣ его идей стоитъ идея—мы бы назвали—*универсального добра*, (къ сожалѣнію, мало отмѣченная критикой). Съ точки зрењія Л. Толстого, «добрь» можетъ быть добромъ лишь тогда, когда оно такъ распространяется, что никому не приносить зла.

Какъ логическое слѣдствіе этого «распространенія» добра—для Л. Толстого не существуетъ никакихъ национально-политическихъ разграниченій. Всѣ равны, всѣ «одинаковы»: эллины и іudeи, варвары и скиѳы, русскіе и французы, иѣмцы и бельгійцы.

Этой же идеей «универсального добра» определяется и весь Толстовский религиозный и политический «анархизмъ». Добро должно быть добромъ всенароднымъ. (Въ этомъ вопросѣ Л. Толстой въ значительной мѣрѣ соприкасается съ интернационалистическими течениями современного социализма).

Наши же «государства», базирующиеся на национальныхъ принципахъ, это «добрь» суживаются до эгоистического понятія «государственного блага».

Идеальь Толстовского «государства»—это весь мірь. Л. Толстой учить непротивлению злу, и эту формулу всегда слишкомъ узко понимаютъ (какъ отмѣтилъ еще А. Балу въ специально посвященной этому вопросу работе). Не противиться злу это значитъ не отвѣтъ насилиемъ, не признавать обычая «око за око». Это значитъ *уйти отъ зла, сотворивъ благое*. Л. Толстой хочетъ сказать, что стбить только уйти отъ зла, какъ оно само отпадетъ. Для него не будетъ объекта распространенія. Уйди отъ государства, говорить все учение Толстого. Оно, это «государство», самое страшное зло. Оно—гнѣздо насилий. Бойкотирай его. Не иди къ нему на службу,— и оно распадется, потому что не будетъ почвы для его существованія. Всю своей протестующею силой Л. Толстой обрушивается на политический и, главное, общественно-моральный развратъ, который является необходимымъ слѣдствиемъ всякаго государственного строя и который развивается параллельно съ ростомъ «патріотизма»*.

Любовь можетъ быть только общимъ и полнымъ чувствомъ, направленнымъ ко всемъ людямъ, е не только къ тѣмъ, которые живутъ рядомъ съ нами, «на нашей», опредѣленной временными историческими ходами территории. Добро и любовь, следовательно, понятія универсального характера.

IV.

«Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ».

І. Христосъ...

«Ихъ оружіе—только истина»...

Лактанцій.

«...Non occidendo, sed Moriendo pro deo»...

Люциферъ Кальянскій.

«Не убий»...

(Цитата изъ души и ума всякаго честнаго человѣка).

Отрицаю государство и осуждая потому патріотизмъ, Л. Толстой, воспринявший христианство въ его первородной, неискаженной формѣ, отрицаєтъ и «войну», какъ средство выяснить, кто правъ и кто виноватъ и какъ оправдываемое «христианскими» правительствами преступленіе ради достижения «священныхъ» (въ такихъ случаяхъ) национальныхъ лозунговъ. Вопросъ о войнѣ, который волновалъ Л. Толстого еще съ 50-хъ и особенно

*) См. «Патріотизмъ и правительство», «Христианство и патріотизмъ». (Есть много изданій этихъ статей. Лучшія и авторитетныя—подъ редакціей В. Г. Черткова).

60-хъ годовъ (когда онъ лично пережилъ кавказскія, севастопольскія и дунайскія боевые дѣла и работалъ надъ созданиемъ «Войны и мира»*) былъ рѣшень нашимъ мыслителемъ въ зависимости отъ всѣхъ своихъ основныхъ религіозно-моральныхъ положений.

Воины Христовы были вооружены не ножами, но вѣрою и любовью!

Германія, которая культивировала взгляды убѣжденныхъ людѣй—милитаристовъ, которая болѣе другихъ странъ потратила свои жесткіе мозги на выдумываніе человѣко-истребительныхъ средствъ, сказала устами Ницше и Бисмарка, что война есть «подвигъ», возбуждающей въ людяхъ всѣ прекрасныя чувства, вплоть до альтруизма.—Это, конечно, грубый обманъ по адресу тѣхъ, кто является жертвами войны. Такой «геніальный убѣйца», какъ Мольтке, говорилъ, что война предостерегаетъ человѣчество отъ матеріализма...

Такъ что, по выраженію Моцассана (приводимому Толстымъ),—«сбираясь стадами въ 400 тыс. человѣкъ, ходить безъ отдыха день и ночь, ни о чѣмъ не думая, живя какъ скотъ, въ постоянномъ одуреніи, грабя города, сжигая деревни, разоряя народы, потомъ, встрѣтясь съ такими же скопленіями человѣческаго мяса, наброситься на него, пролить рѣки крови, устлать поля размолченными, смѣшанными съ грязью и кровавой землей тѣлами, лишиться рукъ, ногъ, съ размолченной головой безъ всякой пользы для кого бы то ни было издохнуть гдѣ нибудь на межѣ,—въ то время, какъ ваши старики, ваша жена и ваши дѣти умираютъ съ голода,—это значитъ,—не впадать въ самый грубый матеріализмъ»...

Правда сказана, что нѣтъ выше подвига, какъ душу свою положити за други своя. И Л. Толстой всецѣло принимаетъ эту неопровергнувшую формулу. Но онъ признаетъ личную жертву, «жертву собой», а не жертву цѣнной другихъ жизней. Жизнь—это отъ Бога, и ни одинъ человѣкъ не въ правѣ отнять этотъ божій даръ у другого человѣка. Наша жизнь—это наша единственная и великая собственность.

Словомъ «подвигъ» у насъ сейчасъ слишкомъ злоупотребляютъ. «Подвигъ»—это до такой степени святой фактъ, что его можно представить себѣ совершившимся одинъ разъ въ жизнь, одинъ разъ въ столѣтіе. Когда I. Христосъ умиралъ на крестѣ, онъ совершалъ подвигъ. И это было единственное въ своемъ родѣ, поистинѣ сакраментальное явленіе. И такие подвиги, такія смерти (Д. Бруно, I. Гуссъ...) можно пересчитать наизусть. А у насъ (на войнѣ...) эти «подвиги», эти мнимыя и невинныя жертвы приносятся ежедневно, ежесекундно,—убийствами, насилиемъ и мученiemъ людей.

Пройдемъ мимо всѣхъ этихъ «священныхъ» причинъ войны, этого оригинального вооруженного «подвижничества», и вникнемъ въ психологію тѣхъ людей, тѣхъ массъ, руководимыхъ отдельными людьми, которыхъ «воюютъ».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что всякий, идущій въ бой, и всѣ, ведущіе другихъ въ бой, бѣльше думаютъ, желаютъ и стремятся побѣдить, чѣмъ просто умереть. Всѣ мысли и стратегическіе

*) Объ этомъ романѣ впослѣдствіи Н. Страховъ писалъ Л. Толстому въ слѣдующихъ пророческихъ словахъ: «Когда русскаго царства не будетъ, новые народы будутъ о «Войнѣ и миру» изучать, что за народъ были русскіе»...

планы ихъ сосредоточены на томъ, чтобы больше убить другихъ («враговъ») и сохранить себя,—это вся цѣль такихъ людей, и безъ нее имъ нечего было бы идти воевать. (Какъ и въ любой дракѣ, каждый изъ дерущихся, рискуя быть побитымъ или даже убитымъ, «воюетъ» съ другимъ при помощи силы, во имя собственнаго «достоинства» или «выгодъ», и тоже жаждеть «побѣды»).

Въ военномъ «подвижничествѣ» нѣтъ жертвы ради жертвы, а есть жертвы ради смертей другихъ, такихъ же людей, какъ и мы. Въ войнѣ, гдѣ идетъ борьба за кости, гдѣ изъ-за «шкурныхъ» националистическихъ инстинктовъ губятъ свои души, нѣтъ чистой жертвы, «жертвы собой», той жертвы, которую приносили всѣ истинные мученики за идеи, умиравшие съ чистыми, *неокровавленными* руками.

Примѣромъ «чистой жертвы» можетъ послужить слѣдующій случай: на воздушный шаръ сѣло нѣсколько человѣкъ. Когда шаръ поднялся, обнаружилось, что грузъ слишкомъ великъ. Всѣмъ грозила катастрофа, паденіе и смерть. Сбросили съ корзины весь балластъ ради спасенія жизни, но ничего не помогало. Тогда одинъ изъ пассажировъ бросился внизъ и тѣмъ спасти всѣхъ прочихъ.—Вотъ это есть чистая «жертва собой», это есть подвигъ, выше которого не можетъ придумать человѣческий разумъ.

Чрезвычайно жалки слова тѣхъ «допломатовъ» и «полководцевъ», которые одурманены сознаніемъ, своихъ «побѣдъ» на войнѣ, своихъ (якобы) «стратегическихъ» успѣховъ.

На войнѣ не бываетъ побѣдъ. Война не знаетъ «побѣдителей». На войнѣ бываютъ только *убитые и убийцы*. И единственная побѣдительница на поляхъ сраженій это *смерть*, которая съ дикимъ хохотомъ издѣвается надъ озлобленнымъ человѣчествомъ, обѣщающая навѣрняка примирить въ своемъ небытіи всѣхъ тѣхъ, кто поссорился на землѣ.

Л. Толстой, разрѣшая всѣ эти проклятныя проблеммы нашей жизни, дошелъ въ своеемъ творческомъ пониманіи до конца. Это былъ умъ, не знавшій половины. Жизнь его — быть можетъ, слишкомъ сложная для того, чтобы не ошибаться,—подсказала ему его цѣльное идеалистическое міропониманіе, и его анархизмъ—это не призывъ къ вооруженному протесту противъ насилия. Это христіанскій отказъ отъ служенія всѣмъ идеямъ и органамъ насилия.

Дѣятельный путь Л. Толстого былъ цѣлой цѣпью мятущихся протестующихъ переживаний и личныхъ кризисовъ.

«Свѣтить можно только сгорая», сказалъ Петефи. И Л. Толстой дѣйствительно сгоралъ, освѣщая своимъ учениемъ и своей критической мыслью темные углы нашей жизни. И больнѣе, тревожнѣе всего Л. Толстой переживалъ уродливыя явленія нашей общественно-политической жизни. Онъ «не могъ молчать», видя, какъ люди (эти «добровольные рабы») отдаютъ кесарю кесарево, а все божіе губятъ въ себѣ. Христосъ вѣрно сказалъ, что кесарю надо отдать кесарево, а Богу—божіе. Но вѣдь божіе—это все. Слѣдовательно, все надо отдать Богу, и «кесарю» поэтому ничего.

Мы сейчасъ переживаемъ съ вами грандиозную эпоху крушений и созиданій всевозможныхъ политическихъ формъ и настроений. Мы съ вами находимся въ состояніи какого то политического *психоза*. Намъ трудно оторваться отъ безчисленныхъ газетныхъ (нынѣ уже ставшихъ трафарет-

ными) идей, созданныхъ сиюминутной эпохой. «Трудно», но надо. Надо для того, чтобы отчетливо сознать самихъ себя и объективно, съ высоты птичьего полета, посмотретьъ на вихрь сегодняшнихъ событій.

V.

«Таитесь вы подъ сѣнью закона»...
М. Лермонтовъ.

У Л. Толстого* приводится разсказъ М. Мюллера про одного индѣйца, который начитался и наслушался христіанскихъ истинъ, соблазнился ими и рѣшилъ «креститься». Его крестили, и вскорѣ послѣ этого онъ рѣшилъ отправиться въ Европу, которая, по его мнѣнію, собственно и дала ему это новое, свѣтлое міровозрѣніе, эту новую благодатную религію.

И когда онъ пріѣхалъ въ Европу и посмотрѣлъ, какъ живуть христіане, онъ былъ пораженъ. Онъ увидѣлъ развратъ, рабство, кандалы, тюрьмы, убийства, эшафоты и т. д. Ему только оставалось стремглавъ мчаться обратно къ роднымъ индѣйскимъ берегамъ.

Европа считается «христіанскимъ» материкомъ, но въ этой Европѣ 60000 самоубийствъ ежедневно (за исключениемъ Россіи и Турціи), въ этой Европѣ десятки государствъ враждуютъ другъ съ другомъ и подъ знаменами молятъ у Бога даровать каждому изъ нихъ побѣду и убить побольше «непріятельскихъ» людей (легко себѣ представить всю безвыходность положенія ихъ «Бога»...).

Эти «христіанскія» государства, управляемыя такими же «христіанскими» правительствами, имѣютъ свои «церкви» и свои «законы», при помощи которыхъ они могутъ якобы «оправдывать» всѣ свои дѣйствія.

Каждое государство имѣть, вѣдь, свой политический стиль, и всѣ подданные этого государства убѣждены, что ихъ родина является носительницей «права» и гуманности и что поэтому надо ее защищать.

Общаго критерія нѣтъ. «Богословская теорія доказывала, что власть отъ Бога... Но оставался вопросъ, какая власть отъ Бога: Екатерины или Пугачева?» спросимъ мы словами Л. Толстого,—«и никакія тонкости богословскія не могли разрѣшить этого сомнѣнія»... Или: «философія духа доказывала, что государство есть форма развитія личности, но оставался вопросъ: можно ли государство Нерона или Чингизъ-Хана считать формой развитія личности. И никакія трансцендентныя слова не могли разрѣшить этого».

Нынѣшняя Европа, которая заставляетъ (воинской повинностью) быть своихъ вѣрноподанныхъ «въ одно и то же время и христіаниномъ и гладиаторомъ» (какъ отмѣтилъ Л. Толстой) живеть, конечно, въ полномъ противорѣчіи съ той религіей, какую она официальна исповѣдуетъ и на которой (по учению Л. Толстого) надо строить всю нашу общественную жизнь.

Правительства, эти современные Чингизъ-Ханы съ телеграфами (какъ о нихъ говорилъ Герценъ), которые осуществляютъ свои противобожеские законы, никогда не выступаютъ со своими указами и манифестами, не

*) См. «Царство Божіе внутри васъ»... (Изд. И. Горбунова-Посадова. Стр. 151.).

снабдивъ ихъ ссылками на Бога или другими подкрепляющими религиозными предпосылками или вообще какими-либо «священными» государственными или национальными или социально-партийными лозунгами. И въ этомъ состоитъ вся незатѣливая сущность такъ наз. «политики»...

Л. Толстой утверждаетъ, что «государственная власть, если и уничижаетъ внутреннія насилия, вносить всегда въ жизнь людей новыя насилия и всегда все большія и большія, по мѣрѣ своей продолжительности» (какъ эта фраза современна!). Блестящее подтвержденіе этого мы находимъ въ текущій политической періодѣ, въ который во весь ростъ обнаружился контрастъ между напимъ религиознымъ идеаломъ и дьявольской дѣйствительностью, породившой братскія побоища и кризисъ культуры всѣхъ «цивилизованныхъ» странъ.

Въ задачу настоящаго очерка не входить выясненіе длительныхъ причинъ, вызвавшихъ такое повальное разращеніе и озвѣреніе нравовъ. Мы будемъ лишь считаться съ фактами, которые у насъ всѣхъ на лицо (и въ концѣ концовъ, не все ли равно, откуда пришли вѣдьмы: изъ Киева или изъ Чернигова?).

Мы съ вами и въ данное время такъ же далеки отъ осуществленія идеи равенства и свободы, какъ и отъ центра земли. Христіане, встрѣчаясь другъ съ другомъ, говорятъ: миръ вамъ. Устраиваются всевозможныя лиги мира, ставятся памятники мира и свободы, выдаются преміи за труды въ пользу мира, всѣ молятся о мирѣ всего міра, о мирной кончинѣ жизни нашей и т. д. и въ результатѣ всѣ дерутся за этотъ «миръ».

Всѣ хотятъ быть друзьями и всѣ воображаютъ, что дружба тѣмъ будетъ прочнѣе, чѣмъ больше пощечинъ эти будущіе друзья нанесутъ теперь другъ другу.—Такъ разсуждаютъ нынѣшніе взрослые люди, руководители и вдохновители цѣлыхъ націй. И подъ ихъ гипнотическимъ вліяніемъ, боясь выйти изъ вооруженной крѣпостной стѣны «мирныхъ» намѣреній и «братьскихъ» призывовъ, поданные и слушатели этихъ людей, тоже исполненные любвеобильныхъ перспективъ, точатъ мечи и обрекаютъ своихъ родныхъ на голодъ, сиротство и развратъ.

Человѣчество, просвѣтляющее себя наукой и искусствомъ, ищетъ «миръ», какъ какую-то драгоценность и роскошь. Точно это какой нибудь «радій», который трудно найти на нашей дряхлой планетѣ.

Изъ всѣхъ группъ воюющихъ—каждая сражается за идеи мира, свободы и братства, каждая обвиняетъ другую въ шовинизмѣ, милитаризмѣ (въ то время, какъ всѣ одинаково виноваты, такъ какъ «национализма» безъ шовинизма вовсе не бываетъ, такъ какъ всѣ готовятся къ войнѣ, обучая арміи, изготавляя орудія, вооружая корабли...)* и каждая изъ сторонъ убѣждена въ своей правотѣ и каждая лжетъ на другую, и на самое себя и на правду вообще.

*) Англійскіе, французскіе и русскіе «дипломаты» утверждали, что не они начали войну, что Германія первая пошла на нихъ, разорила и разграбила Бельгію (точно такъ же, какъ когда то Англія разорила, разграбила и завладѣла маленькимъ народомъ Трансаальской республики), а нѣмецкіе и австрійскіе дипломаты тоже съ «фактами» и «цитатами» въ рукахъ доказывали, что не они начали. Это напоминаетъ діалогъ злыхъ и испорченныхъ школьниковъ-дракуновъ: это ты; нѣтъ, это ты; нѣтъ, ты; нѣтъ, не я и т. д.

Правду оболгали вконецъ. А эта правда—и божеская, и человѣческа,^я—состоитъ въ одномъ: поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ.

«Любовь есть едина и полна дѣятельность истинной жизни», утверждаетъ Толстой. Истинная любовь имѣеть въ своей основѣ благоволеніе ко всемъ людямъ. И потому, для человѣка, понимающаго великое, нестираемое со скрижалей правды, слово «любовь», не существуетъ никакихъ «государствъ» («ни эллиновъ, ни іudeевъ»... и т. д.). потому что государства, разжигающія человѣконенавистническое чувство патротизма, возбуждаютъ только реакцію одного народа противъ другого, вызываютъ рознь, а потому отсутствіе «единенія», вызываютъ ненависть, а потому отсутствіе «братьства», вызываютъ политическое или экономическое порабощеніе, а потому отсутствіе «равенства», т. е. приводятъ къ противоположному полу-
су, а не къ свободѣ, равенству и братству, о которыхъ мы ежедневно твердимъ.

VII.

«Что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ»...

Евангеліе Луки, XVI, 15.

«Думаютъ насилиемъ заставить людей жить доб-
рой жизнью. А сами первые этимъ самымъ насилиемъ показываютъ людямъ примѣръ дурной жизни».

Л. Толстой.

Нынѣшнія войны, которыя хуже всякой реакціи давятъ міръ, являются паутиной, гдѣ заживо погребаются всѣ наши великия мечтанія. Мы сей-
часъ горимъ въ поискахъ за всевозможными политическими формами жиз-
ни. Мы помнимъ всѣ автономіи, за исключеніемъ одной—автономіи здра-
ваго, любвеобильнаго смысла, который теперь въ полномъ рабствѣ у теку-
щаго политического момента.

Если бы мы освободили изъ плѣна нашъ здравый разсудокъ, мы бы поняли, что невозможно испечь свободу, равенство и братство на порохово-
мъ огнѣ. Война (повторимъ) не есть подвижничество, потому что она не знаетъ «жертвы собой», хотя къ ея «жертвамъ», къ ея одинаково доро-
гимъ для насъ жизнямъ, не можетъ быть иного чувства, кроме братскаго
уваженія и одновременно негодованія по адресу тѣхъ, кто, не вѣдая, тво-
ритъ дѣло войны...

Современные «христіане», которые воображаютъ, что жертвуютъ со-
бой за свободу, равенство и братство народовъ, всѣ свои силы и помыслы
направили къ тому, чтобы побѣдить другъ друга, т. е. стать политически
и экономически выше, а не наравнѣ. Многіе европейскіе и американскіе
любвеобильные «демократы» кричали и кричатъ о «побѣдѣ», т. е. о боль-
шемъ убийствѣ такихъ же людей, какъ и они сами, всѣ жаждутъ кровавой
мести, прикрываясь «священными» мотивами націоналистического ан-
тагонизма, призываю цѣлый сонмъ «Боговъ», крича о вооруженномъ «за-
крѣпленіе» свободы и тѣмъ самымъ, конечно, разжигая страсти, возбуждая
всѣ грубые человѣческие инстинкты, съ расчетомъ, что всѣ, нынѣ «темные»,
простые люди въ одинъ мигъ уяснятъ себѣ, что такое ихъ «государство»,
эта неуклюжая смѣсь изъ пространства, времени и культуры, непонятная
для нихъ, времененная, случайная, измѣняющаяся не менѣе четырехъ разъ
въ столѣtie.

Развѣ всѣ вооруженныя столкновенія, нынѣ пройсходящія на тысячахъ «фронтовъ» и въ глубинѣ почти всѣхъ странъ (между «націями» и «партиями»), не являются ли обычными нападеніями съ рискомъ или самому умереть или убить другого? Это обычныя массовыя «драки» (простите за «ненаучность» этого термина...) въ грандиозныхъ и потому еще болѣе постыдныхъ размѣрахъ. (Въ іюнѣ мѣсяцѣ одна сторона кричитъ о «наступленіи», наступаетъ, отвергая, конечно, «захватныя» стремленія, кладя сотни тысячъ жизней изъ за нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ верстъ земли; въ октябрѣ, желая отомстить, «наступаетъ» другая сторона, шипя газами, стуча орудіями и теряя по дорогѣ тысячи людей — и тоже отвергаетъ со своей стороны всякия «захватныя» стремленія и упрекаетъ въ нихъ своихъ противниковъ и т. д.)...

VII.

«Горе людямъ, которые видять, не зная что, которые стоять, не зная, на чёмъ».

Талмудъ.

«Война—это занавѣсь, за которой люди и націи предаются такимъ грѣхамъ, которые міръ не потерпѣлъ бы иначе».

Спрингфильдъ.

«Неправда, что война даже противъ чужеземца была священна. Неправда, чтобы земля алкала крови».

А. де-Винь.

Мы, находящіеся сейчасъ въ политическомъ психозѣ, придушенные со всѣхъ сторонъ идеями момента, часто безсознательно закодированы односторонними утвержденіями, говорящими, что мы окружены врагами, которыхъ мы должны именно теперь, именно въ данную минуту разбить, убить, уничтожить.

Точно нѣмцы или англичане, или большевики, или украинцы, или австрійцы—это какія то бактеріи, съ которыми мы должны непрерывно бороться, какъ съ нашими непрерывными врагами, а не обыкновенные люди, съ которыми мы подрались изъ-за того, кому быть выше ростомъ въ этомъ мірѣ.

Если нѣмцы или французы или «большевики» наши дѣйствительные «враги» (хотя у христіански настроенаго человѣка не можетъ быть никакихъ враговъ), то выходитъ такъ, что мы должны безъ передышки воевать, убивать ихъ и давать этимъ право на убийства нась самихъ. Но пройдетъ годъ и два, и эти люди, населяющіе собою неизвѣстные намъ земли Австріи или Германіи, могутъ стать нашими «друзьями», какъ стали по грубымъ разбойническимъ мотивамъ въ 1914 г. намъ «союзниками» англичане и японцы, въ свое время воевавши противъ нась.

Значитъ, ни нѣмцы, ни австрійцы и никто другіе не могутъ быть нашими врагами,—значитъ, враговъ творить наша гнусная международная и внутренняя «политика», а то, что сейчасъ происходитъ, есть ни что иное, какъ интернациональная драка, недостойная взрослыхъ и религіозно-мыслящихъ людей (какими бы они соціалистами, консерваторами или радикалами ни были...), это звѣриное самоистребленіе, которое не оправ-

дають никакія героическая пѣсни про «любовь» къ родинѣ, никакіе краснорѣчивыя призывы защищать «свободу» и «братьство» и для этого хвататься за пушечные и крейсеры, вместо того чтобы эти «научно» выработанные смертоносные аппараты давнымъ давно упрятать на дно какого нибудь океана.

До какого цинизма дошли сейчасъ люди, идеологи этого пресловутаго немецкаго или американскаго «братьства»!—Всѣ здоровые элементы страны, всѣхъ самыхъ сильныхъ и трудоспособныхъ людей они усылаютъ на явную массовую гибель, для того, чтобы гдѣ нибудь взять «непрѣятельской» городъ, похитить его имущество, уничтожить цѣнныя постройки, изъ за которыхъ никогда тысячи рабочихъ людей лишились здоровья, и если эти «стратегическія» операциі не удаются,—они кричать въ безсильной злобѣ, что мы «не готовились» къ войнѣ, что «не мы начали», что «дерзкие и коварные» враги врываются въ наши незащищенные владѣнія и т. д.

Но невѣроятно бессовѣтный цинизмъ заключается еще и въ томъ, что люди, живущіе, въ качествѣ идеологовъ, внѣ сферы боевыхъ дѣйствій, которые думаютъ о самыхъ пошлыхъ житейскихъ заботахъ, ведутъ обычный намъ развратный образъ жизни, наряжаясь, разѣзжая въ автомобиляхъ, ежедневно имѣя утромъ кофе, а къ вечеру сытный обѣдъ,—эти люди (а такихъ большинство) распоряжались (призывая въ газетахъ, на митингахъ и въ обычныхъ разговорахъ) судьбами своихъ братьевъ, трудовыхъ и рабочихъ людей, жизнь каждого изъ которыхъ, быть можетъ, гораздо необходимѣе и дороже, чѣмъ вся жизнь ихъ вмѣстѣ,—требовали, чтобы за нихъ или другіе умирать, обѣщаю имъ (отъ имени журналистовъ и всевозможныхъ политическихъ ораторовъ) память въ исторіи и въ вѣкахъ, требовали исполненія какого-то долга, котораго они сами почему то не исполняли, требовали крови и убийствъ ради своей мнимой и безстыдно добываемой свободы.

Нельзя безъ волненія думать и говорить о томъ всеобщемъ развратѣ и озвѣреніи, какое сейчасъ заволокло почти всю Европу. Мы забыли, что «всѣ мы—дѣти одной матери» (какъ говорилъ Тургеневъ), что мы братья. Мы всѣ стали какими то рабами времени; у насть не выработалась привычка самостоятельно мыслить, мы вросли въ наши нелѣпые и безчестные обычаи жизни, въ наши шаблонныя и бездарно-бессильныя политическія программы. Мы говоримъ на какомъ-то волчьемъ языкѣ, не сознавая, что «люди» такъ говорить не могутъ. Въ Россіи сейчасъ газетный потопъ, и каждый изъ насть учится мыслить по всевозможнымъ партійнымъ листкамъ, которые рабски повторяютъ другъ друга и разжигаютъ нашу кровавую суету. Соціаль-демократы поютъ въ лѣсъ, «кадеты» поютъ по дрова (какъ въ баснѣ), всѣ лѣзутъ въ Наполеона, грызутся изъ-за «власти»; великорусские политики держатъ на уздечкѣ финляндцевъ и украинцевъ; послѣдніе съ ненавистью стремятся сбросить узы, которыми ихъ еще давно опутала деспотическая русская «власть», и по инерціи агрессивно косятся на близь лежащіе территоріальные лакомые куски*; поляки, тоже ссылаясь

*) Мы не говоримъ здѣсь о 99 процентахъ тѣхъ «хохловъ» и «караповъ», людей труда, которымъ, конечно, и въ голову не приходитъ идти другъ противъ друга «воевать». Я говорю объ идеологахъ национального имперіализма: великорусского, украинскаго, польского и т. д.

на историю и «национальное» достоинство, захватываются какое то города и земли, чтобы съ большей силой могла забушевать ихъ «государственность» въ то время какъ земля дана людямъ не для политической «моці», а для трудового хлѣба); всѣ партии тянутъ каждая въ свою сторону нашу несмѣзанную народную телѣгу (тоже, какъ въ баснѣ), и всѣ воображаютъ, что при такой политической «гармоніи» можно достигнуть не только расцвѣта народного благосостоянія, но хотя бы элементарного житейского спокойствія.

Ежедневно мы читали въ любыхъ газетахъ и слышали на митингахъ въ любомъ захолустномъ мѣстечкѣ отъ претенціозныхъ ораторовъ (воображавшихъ, что открыть ротъ это уже значитъ сдѣлать великое открытие)—другъ друга повторяющія фразы о «ножахъ въ спину» русской или украинской революції, о «дезорганизації», о закрѣплении революціи и свободы посредствомъ войны и побѣды,—но мы забыли одну простую и великую аксиому: счастье народное никогда не строится на крови и насилияхъ.

VIII.

«Опомнитесь и поймите, что враги ваши не буры, не англичане, не французы, не чехи, не финляндцы, не русскіе, а враги ваши, одни враги—вы сами, поддерживающіе своимъ патріотизмомъ угнетающія вѣсъ и дѣлающія ваши несчастья правительства».

Л. Толстой.

«Часто приходится слышать и читать разсужденія о причинахъ того... ужаснаго положенія, въ которомъ находится теперь ошалѣвшій, озвѣрѣвшій, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, русскій народъ. Причины приводятся самыя разнообразныя. А между тѣмъ всѣ причины могутъ быть сведены къ одной. Люди забыли Бога».

Л. Толстой.

«Бога не слушаются, а обожаютъ. Лучше не обожать, но слушаться».

Л. Толстой.

«Надъ этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
Блеснетъ твой лучъ и оживить,
И сонъ разгонить и туманы.
Но старыя, гнилые раны,
Рубцы насилий и обидъ,
Растѣніе душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноеть...
Кто ихъ излѣчить, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа»...

Ѳ. Тютчевъ. (1857 г.).

Объединеніе того или иного народа въ государство влечетъ за собой развитіе всѣхъ жадныхъ национальныхъ чувствъ, въ процессѣ котораго сильнѣйшій проглатываетъ слабѣйшаго и трусливо прячется, увида еще бо-

лье сильного соседа, и тѣ лица, который окажутся въ средѣ руководителей этого национального движения, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ болѣе лукавыми и трусливыми рабами по своему духу, чѣмъ свободными стимуляторами «государственного» движения, одаренными мудрой народной интуиціей.

Примѣная всевозможные законы насилия, а не законы любви, они или безсознательно или чаще всего лицемѣрно вколачиваютъ въ народныхъ массы патентованные лозунги, связываютъ ихъ соціальными или церковными требованиями, натравливаютъ своихъ подданныхъ противъ другихъ народовъ, посылаютъ ихъ на убийства и грабежи, которые признаются патріотическимъ и гражданскимъ долгомъ, и прибѣгаютъ ко всѣмъ безъ исключенія средствамъ вплоть до политическихъ уній съ недавними «врагами».

Всю свою протестующую силу обрушиваясь на политический, а, главное, общественно-моральный развратъ, который является необходимымъ въ государственномъ строѣ, Л. Толстой въ своихъ статьяхъ рѣшительно осуждаетъ наше пещерное чувство патріотизма.

Многіе люди сейчасъ стремятся доказать, что національная «государственность» создаетъ условія для развитія какой-то «культуры»*; эти люди убѣждены въ томъ, что «государство» (держащееся только на насилии, если не на произволѣ) можетъ обеспечить и появление талантовъ, и духовное развитіе народа и повышеніе материального уровня и т. д. и что только тамъ, где есть губернаторы и министры, могутъ рождаться поэты и и ученые, и только тамъ, где есть уѣздный исправникъ или староста, могутъ появляться трудолюбивые крестьяне и городские рабочіе... Эти люди, называя сотни примѣровъ, явно доказываютъ весь вредъ существованія государственного аппарата съ его податями и вереницами насильственныхъ актовъ, оптимистично предрѣшаютъ вопросъ о грядущемъ торжествѣ своего народа... надъ другими націями.

На такихъ оптимистовъ надо смотрѣть очень пессимистично. Въ послѣдніе годы мы пріучились все свои усилия и заботы распространять на все общество, мы думаемъ о благѣ рѣшительно всѣхъ, о всѣхъ народахъ, о всемъ мірѣ, чуть не о всѣхъ планетахъ,—и одна забота (не входящая, къ сожалѣнію, ни въ одну политическую программу) нами какъ будто не замѣчена вовсе: это забота о нашей собственной душѣ, безъ исправности которой никакія соціальные реформы, несмотря на весь ихъ всенародный масштабъ, на всю ихъ высоту и идеальность, не реализуются. Нельзя демократизировать при помощи декретовъ бюрократической укладъ жизни, если душа допускаетъ... грабежи и разбои; нельзя укрѣпить республиканско-національную идею, если душа допускаетъ... еврейскіе погромы и т. д. и т. д.

Душу свою мы не демократизировали; она до сихъ поръ бюрократка,

*) Состоящей въ постройкѣ университетовъ съ ихъ юридическими «учеными глупостями», способствующими закрѣплению и «аргументаціи» рабства однихъ передъ другими, въ размноженіи фабрикъ, руководимыхъ инженерами-капиталистами, духовно истязающими рабочій классъ, въ изготавлении аэроплановъ и пулеметовъ, шпилекъ и булавокъ, въ печатаніи пошлыхъ и бездарныхъ угодливыхъ газетъ и журнальчиковъ, въ устройствѣ школъ съ цѣлью воспитывать «національный» духъ на страхъ другихъ націй и т. д. и т. д.

капиталистка, захватчица (во всей своей моральной концепции)—и въ этомъ—законъ и пророки нашего всеобщаго запустѣнія.

Напрасно многіе думаютъ, что требованія, предъявляемыя такъ наз.
«толстовствомъ» (хотя такого «ученія» не было и нѣтъ, а есть простое и разумное пониманіе христіанскаго кодекса нравственной жизни, который былъ объектомъ вдохновенной работы Л. Толстого),—что требованія эти сверхъ-человѣчны и лежать за предѣлами людскихъ возможностей. Нѣтъ, это не такъ. Отъ человѣка требуется не много: не думая о «всемирномъ счастьѣ», о вселенскомъ материальномъ и духовномъ удобствѣ жизни, будь вершителемъ собственныхъ честныхъ поступковъ, слѣдуя голосу совѣстливаго отношенія ко всемъ безъ исключенія людямъ; не иди по пути насилий; если тебя заставлять идти на убийство и грабежъ,—откажись отъ нихъ. Пусть каждый исполнить этотъ малый долгъ передъ чувствомъ своего человѣческаго достоинства. И злу не будетъ мѣста среди «человѣковъ» и среди націй.

Идеи Л. Толстого, котораго мы ежедневно называемъ великимъ, обезпечиваютъ и духовное и материальное богатство въ жизни—своимъ молитвеннымъуваженіемъ къ «личности», къ сложному и неисчерпываемому миру личныхъ этическихъ и гносеологическихъ свойствъ каждого человѣка, которому, конечно, легче внушить чувства состраданія, чѣмъ жестокости, чувства любви, чѣмъ ненависти, и глубоко ошибаются тѣ*, кто утверждаютъ, что русскій мужикъ, напр., (который могъ безропотно и смиренно умирать по требованію своихъ презираемыхъ имъ начальниковъ—гдѣ нибудь въ грязныхъ окопахъ...)—только грубъ, пьянь и развращенъ. Эти люди забываютъ, что многія причины (въ томъ числѣ и презрѣніе этихъ людей къ народу) обусловили наличность всѣхъ животныхъ инстинктовъ, пробужденныхъ брошеннымъ въ народъ лозунгомъ: борьба съ оружиемъ въ рукахъ.

Левъ Толстой, для котораго національный «вопросъ» не существовалъ вовсе, говорилъ всю свою жизнь о межъ-народности, о всеобщности добрыхъ человѣческихъ идей, искусства, литературы, материальныхъ богатствъ и т. д. Рождая на «каждый звукъ» свои трепетные отклики, онъ напоминалъ намъ о величайшемъ изъ смертныхъ—I. Христѣ.

Мы—люди уже «извѣршившіся», у насъ остались только осколки религіозныхъ требованій; но никогда нельзя забывать, что ни единое соціальное движеніе, ни единое индивидуальное устремленіе не совершаются виѣ контроля нашего религіознаго начала, которое всегда есть и въ душѣ вылощенного европейца-атеиста, говорящаго вмѣсто «земельный» вопросъ—«аграрный», и въ душѣ азіата, вѣрящаго въ солнце, луну и звѣзды. Наше религіозное *развитіе* опредѣляетъ характеръ общественныхъ и личныхъ проявленій. Нынѣшняя такъ наз. «христіанская» вѣра переродилась въ вѣру «церковную», и надо открыто признать, что благодаря государственной церковности, изуродавшей истинное назначение евангельскихъ тезисовъ, въ данное время Христосъ не имѣеть почти никакого значенія для людей «вѣрующихъ» въ современномъ пониманіи этого термина.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣеть сейчасъ Христосъ для невѣрующихъ, но «религіозно» мыслящихъ людей.

*) Называющіе себя почему то «интеллигентными» людьми...

Тѣ люди, которые думаютъ противъ шерсти и воображаютъ, что религія состоить въ обмѣнѣ между молящимися и Богомъ—поклонами съ одной стороны и «чудесами» съ другой стороны—эти люди попросту суевѣруютъ. Они больны своей вѣрою въ чудеса и отъ этой болѣзни ихъ слѣдовало бы «исцѣлить»; истинно же религіозные люди никогда не вѣруютъ, (въ «нашемъ» смыслѣ этого слова), но въ жизни руководствуются религіознымъ отношеніемъ къ миру, къ людямъ и къ самимъ себѣ.—Полноты такого отношенія сейчасъ и не хватаетъ у насъ въ обществѣ, въ народѣ, въ мірѣ—и вотъ почему наши святые лозунги о братствѣ, свободѣ и равенствѣ гніютъ въ архивахъ политическихъ партій, сѣздовъ, конгрессовъ, конкордатовъ, директорій, парламентовъ, кабинетовъ и прочихъ мѣстъ словесной жвачки.

Современные христіанские слои, которые изъ всего евангелія помнятъ только одинъ эпизодъ—какъ Христосъ выгналъ мѣняльщиковъ изъ храма,—которые цѣлко держатся за этотъ эпизодъ и не стѣсняются, цитируя его, оправдывать всѣ акты насилий вплоть до убийства и смертной казни, которые, кроме этого эпизода, ничего не знаютъ изъ евангелія,—эти христіане, въ сущности, представляютъ собою аморфную массу, подобострастно извивающуюся и видоизмѣняющуюся вѣ зависимости отъ общихъ политическихъ хищническихъ движений.

Но всегда прямъ, стоекъ и смѣлъ только тотъ, кто слѣдуетъ единому закону совѣстливаго разума и всепокоряющейся и потому всепобѣждающей любви. Всѣхъ этихъ царей, премьеровъ, монарховъ, президентовъ, гетмановъ Вильгельмовъ вторыхъ и Николаевъ десятыхъ, и прочихъ сидящихъ на тронѣ въ коронѣ—любая кучка недовольныхъ можетъ смести съ высоты ихъ «величія». Но религіозно правящаго своею жизнью человѣка—никакая сила не свергнетъ съ его престола.

IX.

«Свобода достигается не исканіемъ свободы, а исканіемъ истины. Свобода не цѣль, а послѣдствіе.

Л. Толстой.

«Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и физической природѣ, и, живя такою жизнью, хотимъ быть свободными».

Л. Толстой.

«Тотъ, кто скажетъ: «я не хочу быть военнымъ», «мнѣ нѣтъ дѣла до суда», «полиції мнѣ не надо», «я не буду дѣлать ничего такого, что могло бы нарушить мой внутренній миръ» и «если я отъ этого пострадаю, то ничто такъ не умротворитъ меня, какъ это страданіе»,—тотъ будетъ истиннымъ христіаниномъ».

Ницше.

Въ эпоху Романовскаго гнета нашъ народъ не зналъ счастья, такъ какъ русская внутренняя политика нашихъ придворныхъ помпадуровъ ничего не вѣдала, кроме насилий и кровавыхъ расправъ. Не знаемъ мы этого счастья и сейчасъ, потому что нынѣшняя националистическая и «партийная» политика, нынѣшняя паническая борьба классовъ, построенная на взаимоуничтоженіи и вандализмѣ, естественнымъ образомъ тащитъ за собой на буксирѣ страшный исторический грузъ—духовный развалъ народа.

Мы видимъ сейчасъ не погоню за лучшимъ строемъ жизни, а бѣгство отъ этого строя. Но мы это бѣгство принимаемъ за погоню.

Нынѣшніе «идейные» люди—наши недавніе офиціозные политики, мечтавшіе о какихъ то «проливахъ», наши журналисты, ежедневно требовавшіе, разводя чернила въ плюшевыхъ кабинетахъ, какого-то «побѣдного конца» (въ чёмъ скажется эта «побѣдность», они и сами не предполагали), наши досужіе обыватели (имя которымъ легіонъ), привыкшіе разсуждать по газетнымъ рецептамъ и шаблоннымъ политическимъ рѣчамъ,—всѣ эти люди, за немногими исключеніями, требуютъ и сейчасъ все новыхъ и новыхъ жертвъ для осуществленія своихъ политическихъ затѣй. Этимъ людямъ ничего не стоитъ восхищаться подвигами и смертями тѣхъ несчастныхъ людей труда и божьяго страха, которыхъ они разворачиваютъ, посылая на войны, и которыхъ величаютъ героями, ежедневно твердя съ безстыдствомъ: Ахъ, какъ вы прекрасные мученики! Какъ вы великодушно умираете во имя нашей свободы (во имя нашего собственного ожирѣнія)!..

— Вотъ въ чёмъ заключается ужасная будничная сущность нашей гнилой обывательской психологіи.

Люди, которымъ гораздо легче сейчасъ убивать, чѣмъ не убивать другихъ людей,—не знаютъ, что каждая капля человѣческой крови все же дороже цѣлаго моря соціальныхъ (призрачныхъ) «реформъ».

Мы твердимъ другъ другу: иди, умри за насъ, а мы тебя запишемъ въ «герои». И никто не удивляется, когда по утрамъ и по вечерамъ читаетъ эти фразы въ нашей прессѣ, думая, что газетные столбцы составляются какими то «непогрѣшими папами», которые знаютъ, куда весті пасомыхъ сыновъ.

Многіе изъ этихъ людей недавно открыто говорили, что «мы—убѣжденные противники войны», но только мы не противъ настоящей войны, которую надо непремѣнно довести до «побѣды» и т. д.—Значить, эти люди осуществлять свои убѣжденія, вѣроятно, тогда, когда и осуществлять ихъ не нужно будетъ (если войны кончатся?)

Значить, ихъ убѣжденія—это фальшивая фразеологія, недостойная серіезныхъ, добросовѣстно и логично думающихъ людей.

Другіе изъ этихъ людей говорять: всѣ идеи Л. Толстого, всѣ вообще христіанскія идеи прекрасны, но где же выходъ изъ настоящаго положенія? Укажите намъ пути. Какъ кончить войну безъ дальнѣйшихъ войнъ? Какъ добиться мира и тишины безъ дальнѣйшихъ убийствъ и насилий?

На это надо отвѣтить, что, конечно, «политическаго» выхода при создавшейся международной коллизіи нѣтъ и быть не можетъ—по той простой причинѣ, что европейская «политика», построенная на націоналистическихъ расчетахъ и играющая судьбами сосѣднихъ народовъ, не имѣть вообще никакихъ выходовъ.

Вошедшій въ политику—изъ нея не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока *этіку* не поставить выше политики. И политическаго выхода при современной стратегической, экономической, дипломатической и всякой прочей коньюнктурѣ нѣтъ. А есть *единий* выходъ (*«единый путь»* въ отличие отъ нашихъ нынѣшніхъ многихъ «путей»)—это выходъ *этическій*, т. е. всеобщее, сложеніе оружія, отказъ отъ всякихъ «мобилизаций», способствующихъ разжиганію ненависти между трудовыми массами разныхъ націй,

толкаемыхъ на путь крови и взаимнаго уничтоженія ихъ духовно больными, заблудившимися въ своей национальной ослѣпленности, вдохновителями,— немедленный братскій союзъ народовъ безъ всякихъ «условій», за исключениемъ одного и единствено-мудраго и праведнаго: жизнь во имя разумной любви.

Нынѣшніе «политики», которые такъ утонченно теоретизируютъ сущность, причины и необходимость войнъ, возражаютъ: значитъ, если на меня нападаетъ разбойникъ, то я долженъ стоять, какъ мумія? Или: если нападаютъ на вашу мать или жену—неужели вы будете не противиться злому? Многіе любители споровъ на эту тему оперируютъ всегда аналогичными вопросами, воображая, что, задавъ ихъ, они совсѣмъ сбили съ ногъ противника каскадомъ своихъ крючковатыхъ задачъ.—Если бы на мой домъ напалъ грабитель, какъ бы я долженъ былъ поступить, слушаясь заповѣди, спрашиваютъ они. Спрашивать это все равно, что задать вопросы: что бы вы сдѣлали, если бы, напримѣръ, въ то время, какъ выработали, въ окно вашей комнаты ворвался слонъ и сѣялъ вашу лампу? Что бы вы сдѣлали, если бы во время вашихъ добрыхъ дѣлъ произошло землетрясеніе?—И неужели изъ того, что есть на свѣтѣ убійцы и грабители, слѣдуетъ, что и всякий другой долженъ быть готовымъ ежеминутно сдѣлаться убійцей и грабителемъ?

Мы отвѣтимъ: учение Л. Толстого—это не справочникъ, это не карманній путеводитель по жизни—и всевозможнымъ любопытнымъ туристамъ, заблудившимся въ пустыняхъ или въ дебряхъ политическихъ ухищреній, справки изъ этого учения не выдаются. Это учение содергжитъ въ себѣ сложный рядъ чрезвычайно простыхъ истинъ—о любви, о личномъ самосовершенствованіи, о самопожертвованіи, о религіозномъ воспитаніи, о служеніи людямъ и т. д., и т. д. и прежде чѣмъ вступить въ жизнь, надо, *отличая великое отъ малаго*, проникнуться всѣми частями этого учения, чтобы быть въ жизни духовно зрѣлымъ.

Это учение зоветъ людей къ тому единенію и братству, которое исключило бы возможность существованія разбойниковъ и грабителей. Нынѣшніе соціальные реформаторы, которые пишутъ цѣлые трактаты о податяхъ, о собственности и т. д., создаютъ такія условія жизни, при которыхъ человѣкъ рискуетъ разстаться со своей единственной и великой собственностью—со своей жизнью.

Идеи Л. Толстого зовутъ насъ къ жизни, а не къ смерти,—а что вы, господа націоналисты «наступатели», приготовили для измученного пролетариата? (—Могилу!).

Надо *умѣть любить* человѣка—это высшее знаніе на землѣ. Надо (какъ Будда раненаго лебедя) лелѣять человѣческую личность—свободную и неприкосновенную.

Надо ей отдать все—для того чтобы морально и материально имѣть право на личное маленькое и временное утилитарное земное «счастье», за которымъ теперь только и гоняются.

Все, что истекаетъ отъ «избытка» національного, патріотического, государственного, даже соціалистического (всегда перерождающагося въ узко-классовое) чувства—все это по ту сторону правды, и не видѣть этого могутъ только безумцы или ослѣпленные идеями фанатики.

X.

«Дѣятели революціи ясно выставили тѣ идеалы равенства, свободы и братства, во имя которыхъ они намѣрены перестроить общество. Изъ принциповъ этихъ вытекали практическія мѣры: уничтоженіе сословій, уравненіе имуществъ, упраздненіе чиновъ, титуловъ, уничтоженіе земельной собственности, распущеніе постоянной арміи, подоходный налогъ, пенсіи рабочимъ, отдѣленіе церкви отъ государства, даже установленіе общаго всѣмъ разумнаго религіознаго ученія. Все это были разумныя и благодѣтельныя мѣры, вытекавшія изъ выставленныхъ революціей несомнѣнныхъ истинныхъ принциповъ равенства, свободы и братства. Принципы эти, такъ же, какъ вытекавшія изъ нихъ мѣры, какъ были, такъ и останутся истинными, и до тѣхъ порь будуть стоять, какъ идеалы передъ человѣчествомъ, пока не будутъ достигнуты. Но достигнуты эти идеалы никогда не будутъ и не могли быть насилемъ».

Л. Толстой («Единое на потребу»).

Идеи Л. Толстого зовутъ насть къ свободной, разумной и любвеобильной жизни! Онъ несуть съ собою элементарное требование совѣсти—никого не заставлять умирать за насть и никого не убивать.

Какой, въ сущности, безстыдный языкъ можетъ повернуться, чтобы требовать смерти за насть кого бы то ни было!—На это способны лишь политически—развращенные и кощунственно—мыслящіе люди. Мы такъ спокойно относимся къ смертямъ тѣхъ тружениковъ изъ народа, которые гибнутъ десятками тысячъ, обрекая свои семьи на голодъ, сиротство и развратъ, что перестали замѣчать весь трагизмъ ежедневно печатаемыхъ и произносимыхъ кровавыхъ словъ о новыхъ жертвахъ нашей партийной и международной бойни.

Конечно, «ученые люди», которые до сихъ порь не могутъ, благодаря своей «мудрости», открыть ларчикъ, возразятъ, что у каждого человѣка есть свое призваніе: одинъ становится инженеромъ, другой педагогомъ, третій же офицеромъ или солдатомъ... Мы все вѣримъ въ призваніе человѣка, но ни одна въ мірѣ соціальная дисциплина не докажетъ намъ, почему инженеръ, юристъ, педагогъ, торговецъ, журналистъ, писатель, поэмщикъ и т. д. могутъ продолжать жить, а студентъ, а земледѣлецъ, а рабочій и другіе должны отдавать свою жизнь за другихъ.

Пусть тѣ люди, которые ссылаются на историческую и соціологическую науку и кричатъ *urbi et orbi* о новыхъ смертяхъ, знаютъ, что ихъ цитаты не докажутъ никогда, почему жизнь (именно *жизнь*) Иванова должна погибнуть за жизнь Петрова, а не наоборотъ,—и да будетъ этимъ людямъ стыдно съ ссылками на какую то «науку» (такой «науки» не можетъ быть...) обращаться къ другимъ людямъ съ требованіемъ, чтобы они шли умирать за ихъ свободу и благоденствіе.

Уродливѣе всего то, что все эти истины извѣстны всѣмъ христіанамъ; все признаютъ высоту и идеализмъ завѣтovъ Христа, но все говорятъ, что

онъ неосуществимы, что въ нашъ «индустриальный» и тонко-политический вѣкъ эти религиозныи истины, на которыхъ весь міръ долженъ стоять, неприложими, что теперь о нихъ могутъ говорить только политически «недальнозоркіе» люди и пылкіе фантазеры-утописты. Конечно, это объясненіе—еще одно лживое отворачиванье лица отъ правды. Прекрасное и разумное—это весь смыслъ нашей жизни и ради него поистинѣ стоять отказаться отъ нашей общественной борьбы и «политики».

Люди, глядящіе на религиозно-анархическія идеи, какъ на утопію, расписываютъ въ своемъ полномъ нравственному безилодіи и безсиліи. Человѣкъ, не способный ничего создать для своей жизни,—во всѣхъ тѣхъ случающихъ, когда ему приходится *хоть немножко* поработать надъ собой, всегда съ радостью ссылается на «утопичность». Въ нашъ вѣкъ быть элементарно честнымъ—это тоже, пожалуй, утопія!..

Теперь, когда «братство» добывается посредствомъ братской крови, когда то, что сегодня зовется преступленіемъ, завтра расцѣнивается, какъ подвигъ, а завтрашній подвигъ на другой день трактуется, какъ преступленіе, достойное разстрѣла,—въ наше время уже не ново—быть «новаторомъ» и построить какую нибудь виртуозную систему жизни. Гораздо труднѣе повторить старое—до такой степени настойчиво, убѣдительно и неопровергжимо, какъ это сдѣлалъ Левъ Толстой.

Современные городскіе, деревенскіе и общегосударственные дѣятели будто-бы спрашиваютъ: какъ? вы предлагаете жить хорошо? Да позвольте. Если бы мы начали жить хорошо, то мы бы не смогли уже жить дурно...

XI.

«Ты спросишь, какимъ образомъ достигнуть свободы? Для этого надо научиться различать добро и зло самому, а не по указаніямъ толпы».

Сенека.

«Мы сражаемся добрыми дѣлами»...

Оригенъ.

Одинъ докторъ—психіатръ рассказывалъ Л. Толстому, что однажды лѣтомъ, когда онъ выходилъ изъ больницы, душевно-больные сопровождали его до воротъ на улицу. «Пойдемъ со мной въ городъ», предложилъ имъ докторъ. Больные согласились, и небольшая кучка пошла за докторомъ. Но чѣмъ дальше они подвигались по улицѣ, гдѣ происходило свободное движение здоровыхъ людей, тѣмъ болѣе робѣли и все ближе и ближе жались къ доктору, задерживая его ходъ. И, наконецъ, всѣ стали проситься назадъ въ свою больницу, къ своему безумному, но привычному образу жизни, къ своимъ сторожамъ, побоямъ, длиннымъ рукавамъ, одиночникамъ...—«Такъ же жмутся и тянутся назадъ (говоритъ Л. Толстой), къ своему безумному строю жизни, своимъ фабрикамъ, судамъ, тюрьмамъ, казнямъ, войнамъ люди, которыхъ зоветъ христіанство на волю, на свободную разумную жизнь будущаго наступающаго вѣка»...

Всѣ мы считаемъ добро—якоремъ нашей жизни, но всѣ мы рабски идемъ ко злу. Въ юлѣ 1917 г. съѣздъ духовенства въ Москвѣ вынесъ чрезвычайно юмористическую, построенную на угодливой зависимости отъ нынѣшней «политики» резолюцію по поводу войны: «Несмотря на то, что

война представляет собой недопустимое съ христіанской точки зре́ння явленіе, мы видимъ себя, однако, вынужденными продолжать ее».

Другими словами: это недопустимо, но мы допускаемъ. Другими словами: прекрасенъ свѣжий воздухъ, прекрасны эти зеленые, могучие лѣса, эти колоснящіяся пивы, но мы все же будемъ жить въ своей ду-хотѣ, въ сумасшедшемъ домѣ, среди буйства и нелѣпостей.

И если эти люди, которые нѣкогда учились въ академіяхъ богослов-скимъ, гуманитарнымъ и филологическимъ наукамъ и которые сейчасъ, какъ никакой другой классъ общества, остались въ полномъ, безпомощ-номъ и убогомъ духовномъ одиночествѣ, могутъ доходить въ своемъ без-стыдствѣ до такого откровенного религіознаго цинизма, до такой профа-нації христіанства, то нельзя удивляться и всѣмъ прочимъ мірянамъ, имѣющимъ подобныхъ «руководителей».

Всѣ утверждаютъ (см. Ингерзаль, Саваджъ, М. Арнольдъ): все это прекрасно, но какъ все это приложить къ жизни? Л. Толстой всегда удивлялся такимъ вопросамъ.—Христіанское жизнепониманіе—это наша новая страна (какъ объяснялъ великий строитель новой жизни), куда мы должны вступить, чтобы быть дѣйствительно свободными, равными и братски на-строенными людьми.

Исторический опытъ показалъ, что *всѣ пути* человѣчествомъ *изойдены*. Не знаетъ оно только одного пути: это пути непротивленія злу.

Не можетъ «изслѣдователь новыхъ странъ требовать подробное опи-саніе, подробный путеводитель той страны, на которую онъ вступаетъ»*. Такъ и мы, неся въ себѣ идею любви, должны устроить нашу жизнь на новыхъ религіозно-моральныхъ сваяхъ. А для этого надо призвать разумъ и прав-ду, надо уравнять себя съ врагами и надо уничтожить въ себѣ всѣ кор-ни, изъ которыхъ растетъ насилие и развратъ. И главный корень—это ин-ститутъ государства, которое держится насилиемъ надъ нами самими.

Надо отказаться отъ службы ему (и тѣмъ «революционизировать» не быть**), не формы жизни, по бытию, избрать путь христіански-разумной анархіи, не той вооруженной, необузданной анархіи, которая гуляетъ сей-часъ по Россіи безъ руля и безъ вѣтриль то въ формѣ «дезертира» или захватчика особняковъ или поджигателя «буржуазныхъ» домовъ, то съ бандитскими отмычками, а анархіи, построенной на основахъ *цилесообраз-ного труда*, въ атмосферѣ *братского единенія и свободы*.

Наша жизнь слишкомъ дорога для того, чтобы мы могли отдавать ее кому бы то ни было въ рабство. Государственное рабство у насъ всѣхъ на лицо. Часть его прошла, но другая часть наступила.

Старое рабство закатилось, и о немъ теперь мы лишь можемъ прочесть въ трудахъ Герцена, Тургенева, Михайловскаго, Г. Успенскаго, Рѣшетни-кова и другихъ Агасферовъ нашего народничества, которые живописали пьяную и нищенскую богему нашего ancien-режима.

Но и сейчасъ Россія вмѣстѣ съ откалывающейся Польшей, Украи-ной и др. странами, которая воображаютъ, что получили въ вѣчное вла-дѣніе и свободу, и братство, и равенство, топчутся въ кругу насилий, — и

*.) См. «Царство Божіе внутри васъ» Л. Толстого.

**) Ср. известную статью М. Бакунина о нѣмецкой реакціи.

сейчасъ мы тѣ же «добровольные рабы», о которыхъ нѣкогда писалъ Лѣ Бози. Одурманенные кровью, мы разучились говорить нѣжными и мягкими словами. И вмѣсто принциповъ любви и религіознаго совершенствованія, о которыхъ говорилъ Христосъ, мудрѣйшій изъ людей, и которые подтверждали многіе учителіи-заповѣдники вплоть до Л. Толстого,—у насъ теперь рѣзвится междуусобная партійная политика, которая, несмотря на свои свѣтлые и благородные демократические замыслы и лозунги, въ дѣйствительности, конечно, несетъ одно сплошное кровавое насиличество. И мы вполнѣ понимаемъ психологію того несчастнаго кронштадтскаго моряка, который послѣ пытокъ и убийствъ, видѣнныхъ имъ, прѣѣхалъ въ Петербургъ, прибѣжалъ въ свое родное гнѣздо, зарыдалъ, бросившись на кровать, и закричалъ: «Мама, мама! Мы Бога потеряли!»

Такіе обезумѣвшіе вопли раздаются въ странѣ, где идетъ борьба за власть между десятками классовъ, національностей и партій. И всѣ забываютъ, что всякая власть исключаетъ возможность установленія равенства и братства среди людей. Всякая власть всегда шокируется *на насилии*. Она добывается и осуществляется грубой силой, какъ это мы воочию убѣдились въ послѣдніе кровавые годы. Люди, стремящіеся къ власти, должны побѣдить всѣ противныя стороны. Точно также и политическая партія, стремящіяся къ власти, должны вести борьбу мечомъ и огнемъ для того, чтобы овладѣть новыми общественными позиціями. На знамени одной изъ популярныхъ нынѣ партій написано: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!»— и все это отъ начала до конца печальный самообманъ людей, которые въ душѣ своей часто являются искренними друзьями рабочаго народа. Должно быть ясно каждому, умѣющему даже примитивно понимать все кругомъ происходящее, что *всякая борьба* влечетъ за собою два логическихъ послѣдствія: 1) сторону *побѣдившую* и 2) сторону *побѣженную*. И значитъ, въ результатѣ борьбы одна сторона окажется всегда *выше*, а другая *ниже*, и эта другая сторона будетъ, требуя реванша, продолжать вести вновь «борьбу», стремясь опять стать выше первой въ экономическомъ или общественномъ отношеніи. И потому не можетъ произойти свободы и равенства въ томъ случаѣ, если они добываются силой.

Если же человѣкъ путемъ отказа отъ всѣхъ насилиственныхъ актовъ (начиная отъ воинской повинности) будетъ ставить себя «ниже» другихъ, то равенство и братство на землѣ будутъ обеспечены. Чѣмъ смиренѣе человѣкъ, тѣмъ онъ *властнѣе*!

XII.

«Лежитъ сей на паденіе и на восстаніе многихъ.. и въ предметъ пререканій».

(Слова Симеона. Еванг. Луки, II, 34).
«Платите добромъ за зло».

Талмудъ.

«Если бы мои солдаты начали думать, ни одинъ не остался бы въ войскѣ».

Фридрихъ II.

«Не для корысти, не для битвъ»...
А Пушкинъ.

Идя мимо всѣхъ божескихъ и человеческихъ законовъ, наши руково-

водящія сферы и ідейные общественные круги, вліающе на массу, подтасовывая всевозможные громкіе лозунги, недавно посыпали, наряжая въ нелѣпые костюмы, людей (прямое призваніе которыхъ всегда было, есть и будетъ—мирный культурный трудъ) на убійства и грабежи такъ называемыхъ «враговъ». Всѣ сознавали весь ужасъ этихъ кровавыхъ операций, но всѣ утверждали, что иначе нельзя, что Россія связана «договорами» съ такъ наз. союзниками, и этихъ договоровъ она не можетъ нарушить по долгу чести,—ложно понимаемой ею.

Выходило, значитъ, такъ, что если англійскимъ лордамъ, нѣмецкимъ и австрійскимъ капиталистамъ, французскимъ маркизамъ и японскимъ и американскимъ мореплавателямъ хочется оспаривать гегемонію въ экономическомъ и промышленномъ отношеніи на морѣ и на суши, то и русскій народъ (душа которого не хочетъ войны—это ясно всякому, живущему въ предѣлахъ Россіи) и живущіе рядомъ съ нимъ евреи, поляки, татары, грузины и т. д. (которые тоже не хотятъ воевать—по тѣмъ же экономическимъ безнадежнымъ обстоятельствамъ и просто по естественному чувству миролюбія)—и всѣ они должны были впиться зубами въ международную лакомую кость?

Такъ что если русскій народъ, обманутый его предыдущими сумасбродами и эксплоататорами правителями, заключилъ «договоръ» идти воевать, убивать и грабить чужія земли съ компаніей союзниковъ—и вдругъ, посреди дороги, одумался и захотѣлъ протянуть руки мира и братскаго прощенія, то это значило, что онъ поступилъ противъ долга своей чести?

Значитъ, если я войду въ шайку разбойниковъ и, вдругъ опомнившись, пойму всю противоестественность своей профессіи и захочу убѣжать отъ своихъ сотоваричей по разбою, то мнѣ уже не можетъ быть никакого выхода изъ этой шайки?

Ни одна власть въ мірѣ не можетъ заставить меня сдѣлать то, что «духъ» мой не захочетъ, чтобы я дѣлалъ,—потому что выше всѣхъ юридическихъ, международныхъ договоровъ и судебныхъ статей являются статьи закона, изложенного для нашей совѣсти въ евангеліяхъ. Этого могутъ только не понять люди въ психозѣ современной политической борьбы внутри Россіи, которая дѣйствительно кипитъ, какъ какой-то огромный чанъ съ винограднымъ сокомъ.

Пускай всѣ тѣ люди, которые проводятъ въ жизнь свои активные международные планы при помощи оружія, сами идутъ дѣлать эти «нифъ-паффъ» въ ненавистныхъ имъ людей, пускай лично идутъ противъ пуль, бросивъ свои семьи, если они не могутъ обѣдать и спать безъ того, чтобы не сражаться. Но пусть не посыпаютъ на убійства миролюбивыхъ и религіозно-думающихъ рабочихъ людей, заколдовывая ихъ призраками соціальныхъ реформъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, пауперизируя ихъ, разворачая и обагряя ихъ мозолистыя руки въ ненужную имъ кровь такого же рабочаго люда, посланного другими, осѣпленными шовинизмомъ и политическимъ антагонизмомъ людьми. Единственная борьба, которую мы должны непрерывно вести, это борьба настъ съ самими собою. Вотъ кому мы должны объявить «войну»: *самимъ себѣ!*

Будемъ воевать съ самими собой до «побѣдного конца», и когда мы

побѣдимъ самихъ себя,—тогда найдемъ выходъ на широкую дорогу братства, свободы и равенства.

Политические мудрецы возразятъ, что предлагаемое сложеніе оружія и отказъ отъ политическихъ насилий грозить дальнѣйшими «осложненіями» въ европейской семье народовъ.

На это можетъ быть данъ единый пріемлемый отвѣтъ: заслуга и счастье того, кто первый изъ убийцы превратился въ честнаго человѣка!

Слѣдуетъ глубоко вѣрить въ то, что на сложившаго оружіе не подымется рука «враговъ». (Замѣчательно, что тѣхъ, кто подставляеть свою «вторую щеку», не бьютъ, а тѣхъ, кто не исповѣдуютъ этой «рабской» морали, всегда бьются...). А если же она подымется, то опять таки можно дать единый отвѣтъ, достойный человѣка: если суждено умереть, то лучше умереть мученической смертью, съ чистыми руками, чѣмъ заливъ ихъ кровью насильниковъ. Мудрѣе — умереть съ полнымъ сознаніемъ своей нравственной силы и чистоты, чѣмъ остаться жить убийцей другихъ людей.

Левъ Толстой, этотъ великий столбникъ чистыхъ христианскихъ идей, сберегъ намъ евангельское слово — «любовь», которое живетъ въ нашемъ мірѣ, какъ чахлое растеніе, въ одинокомъ прозябаніи. Между тѣмъ,—какъ необходимо это слово виѣдрить въ человѣческій разумъ, который придумалъ всевозможные дредноуты и адскія машины, а не понялъ до сихъ поръ устройства иголки.

Не этика, не любовь, а «политика» самодовѣрѣтъ теперь надъ міромъ. Но—мы убѣждены—будетъ такое время, когда этой нынѣшней европейской политикой будетъ такъ же позорно заниматься, какъ сейчасъ позорно воровать и грабить.

И эту политику насилий и народнаго разврата мы тогда оставимъ, когда разрушимъ идею государства, когда сольемся всѣми народами въ единое человѣчество. До тѣхъ поръ, пока существуютъ государства, съ ихъ границами, пограничными стражами, съ частной собственностью, съ богатствомъ однихъ и бѣдностью другихъ, съ насилическими законами и націоналистическими расприями,—до тѣхъ поръ не будетъ свободы, равенства и братства, и нашу неправду, нашу соціальную несправедливость никакими временными переворотами и никакими большевизмами (заманчивыми и прекрасными въ своей философской структурѣ, но не оправдывающими всѣхъ замысловъ своей тактикой и пепрочными достиженіями при помощи временной силы)—мы не убьемъ. Мы убьемъ ея организмъ, она будетъ жить, какъ сердце, какъ печень, какъ часть тѣла, какъ червякъ, разорванный пополамъ, но она не умретъ.

А жизнь требуетъ не преобразованій, но преображеній. И это возможно. Надо только слиться съ сознаніемъ религіозной необходимости братства и единенія въ подлинномъ и высшемъ смыслѣ этихъ словъ.

Правда сказана, что любовь — сильнѣе смерти, и для любви нѣть ничего невозможнаго. И мы должны понять, что «невозможное»—это то, что мы видимъ сейчасъ, противъ чего такъ боролся Л. Толстой, этотъ Свято-горь русскаго духа, идеи котораго наше будущее пріютить на своей многовѣковой груди.

Долгъ пониманія его взглядовъ, сознательное уясненіе ихъ жизненнаго значенія—все это на текущемъ счету у нашего общества. Л. Толстой,

который родился въ Россіи «дворянской», въ Россіи на шелковой подкладѣ; со спиритическими сеансами и буржуазнымъ «либерализмомъ», а умеръ въ Россіи сермяжной, избяной, въ Россіи подъ соломенной крышей,—въ-риль отъ колыбели и до гроба въ то, что человѣчество найдетъ свою «обѣтованную землю», свою спасительную пристань по *этую* сторону добра и зла,— и тогда на землѣ мы увидимъ Бога.

И въ данную минуту мы, свидѣтели великихъ соціальныхъ потрясений, уже не можемъ, если мы не окончательно близоруки, сомнѣваться въ томъ, что заря нового *меж-народного міровозрѣння* уже заснилась, что начавшаяся съ 1905 г. русская революція сейчасъ стала цѣлымъ этапомъ въ развитіи русской религіозно-бунтующейся вольницы и идетъ неудержимо съ востока на западъ, предрекая европейскую и, конечно, міровую анархическую культуру.

Л. Толстой полагалъ, что мы переживаемъ конецъ Одного вѣка и начало другого, что толчкомъ для наступленія этого новаго вѣка будетъ чудовищное развитіе милитаризма, капитализма и проч., что основою для новаго міра будетъ религіозное перерожденіе народовъ и что разрушеніе русскаго государства есть «признакъ начала разрушенія всей лжехристіанской культуры».

Въ статьѣ «Конецъ вѣка», *) полной глубокихъ предвидѣній, Л. Толстой утверждалъ, что «русскій народъ прежде другихъ народовъ почувствовалъ главныя причины бѣдствій христіанского человѣчества нашихъ временъ, и потому именно среди него начнется тотъ великий переворотъ, который предстоитъ всему человѣчеству и который одинъ можетъ спасти его отъ ненужныхъ отраданий» (курсивъ нашъ. Н. А.). И въ этихъ пророческихъ словахъ сказалась вся мятущаяся и проникновенная душа Л. Толстого, жаждавшая истиннаго блага—личнаго и общественнаго.

Л. Толстой, оскорбившій лживый міръ глаголомъ правды, твердившій людямъ о дѣйственной любви и трудолюбивомъ общечеловѣческомъ единеніи, исключающемъ возможность личной или партійной, или «классовой», или национальной ненависти,—былъ «мировымъ посредникомъ» не только на одинъ Краивенскій уѣздъ, но и на весь неисчислимый міръ.

И во имя его незаходящей тѣни—остановимся на половинѣ нашей ложной дороги и, простивъ вольныхъ и невольныхъ «преступныхъ» нашихъ братьевъ, сольемся другъ съ другомъ и врагъ съ врагомъ для того, чтобы строить новую жизнь, основанную на трудахъ для всѣхъ и свободѣ для каждого.

Никто намъ не отвѣтить на небѣ, когда мы спросимъ на землѣ. И потому мы должны нашъ «рай» устроить «здесь», а не ждать его «тамъ».

Все то, чѣмъ мы сейчасъ живемъ, движемся и существуемъ—о, какъ все это *преходяще!*

Наши «большевизмы» (которые торжествуютъ сегодня), наши «меньшевизмы» (которые торжествуютъ завтра), и т. д.—все это можетъ имѣть только *поденную популярность*.

*) Написанной въ 1905 г.

Всѣ соціалистическія теоріи, высокія по своимъ замысламъ, но до-
стигаемыя только насилиемъ, всѣ нынѣ великия имена Лассалля, К. Маркса,
Энгельса и другихъ соціологовъ—померкнутъ, разочаруютъ и забудутся,
какъ уже сейчасъ почти забыты Адамъ Смить, С.-Симонъ, Фурье и многіе
другіе—иѣкогда геніальныя люди.

Но идеи религіознаго совершенствованія человѣка, устройства не
внѣшнихъ формъ жизни, не республикъ или конституцій, а устройства
прежде всего нашего *внутреннаго духовнаго быта* на началахъ анархиче-
скаго единенія, любви и всенароднаго братскаго пониманія и уваженія,—
эти идеи не померкнутъ и не умрутъ, пока камни не научатся говорить.

Единственное царство, которое можетъ и должно быть на землѣ, это
царство *внутри настъ*, въ настъ самихъ, въ нашихъ взаимоотношеніяхъ—
личныхъ и общенародныхъ.

И вотъ—когда нашимъ царемъ будетъ *разумъ*, нашей царицѣ будетъ
любовь, а министрами у настъ будутъ наши *добрыя желанія*,—вотъ тогда и
только тогда надѣ міромъ засверкаетъ *дѣйствительная и великая
свобода*.

Библіографическая дополненія: Наиболѣе значительными очерками, статьями и
замѣтками, въ коихъ Л. Толстой исповѣдуется и теоретизируетъ свои взгляды на смыслъ
жизни, на наши общественные и религіозные вопросы, на науку, искусство и т. д.
являются слѣдующіе: „Исповѣдь“ (1879 г.), „Критика догматического богословія“ (1880 г.),
„Соединеніе. переводъ и изслѣдованіе 4-хъ евангелій“ (1881 г.), „Въ чёмъ счастье“ (1882 г.), „О переписи въ Москвѣ“ (1882 г.), „Въ чёмъ моя вѣра“ (1884 г.), „Такъ
что же намъ дѣлать“ (1886 г.), „Чьи мы?“ (1886 г.), „О жизни“ (1887 г.), „Празд-
никъ просвѣщенія“ (1889 г.), „Пора вспомниться“ (1889 г.), „Исторія улья съ лубочной
крышкой“ (1889 г.), „Послѣдователіе къ Крейцеровой сонатѣ“ (1890 г.), „Для чего люди
одурманиваются“ (1890 г.), „Страшный вопросъ“ (1891 г.), „Среди нуждающихся“
(1892 г.), „Первая егупень“ (1892 г.), „Царство Божіе внутри васъ“ (1893 г.),
„Значеніе отказа отъ военной службы“ (1893 г.), „Христіанство и патріотизмъ“ (1894 г.),
„Религія и нравственность“ (1894 г.), „Стыдно“ (1895 г.), „Патріотизмъ или миръ“
(письмо 1896 г.), „Приближеніе конца“ (1896 г.), „Какъ читать евангеліе“ (1896 г.),
„Письмо къ министрамъ“ (1896 г.), „Христіанское ученіе“ (1897 г.), „Что такое иску-
ство“ (1897 г.), „Carthago delenda est“ (1898 г.), „Три отношенія къ жизни“ (1899 г.),
„Письмо къ фельдфебелю“ (1899 г.), „О религіозномъ воспитаніи“ (1899 г.),
„О самоубийствѣ“ (1900 г.), „Патріотизмъ и правительство“ (1900 г.), „Рабство нашего
времени“ (1900 г.), „Не убй“ (1900 г.), „Гдѣ выходъ“ (1900 г.) „Неужели такъ
надо“ (1900 г.), „О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ“ (1901 г.), „Отвѣтъ синоду“ (1901 г.),
„Единственное средство“ (1901 г.), „Солдатская памятка“ (1901 г.), „Что такое рели-
гія и въ чёмъ ея сущность“ (1902 г.), „О религ. отношеніи къ жизни“ (1902 г.),
„Возстановленіе ада“ (1903 г.), „Обращеніе къ духовенству“ (1903 г.), „Къ полити-
ческимъ дѣягелямъ“ (1903 г.), „Одумайтесь“ (1904 г.), „Единое на потребу“ (1905 г.),
„Великій грѣхъ“ (1905 г.), „Конецъ вѣка“ (1905 г.), „О значеніи русской революціи“
(1906 г.), „Единственное возможное рѣшеніе земельного вопроса“ (1907 г.), „Не убй

никого" (1907 г.), "Почему христ. народы вообще и русскій въ особенности находятся въ бѣдствен. положеніи" (1907 г.)—напечатано въ журн. „Единеніе“ (подъ ред. В. Черткова) за 1907 г., № 5; "Не могу молчать" (1908 г.), „Законъ насилия и законъ любви“ (1908 г.), „Благо любви“ (1908 г.), „Смертная казнь и христіанство“ (1909 г.), „О наукѣ“ (1909 г.), „Неизбѣжный переворотъ“ (1909 г.), „Единая заповѣдь“ (1909 г.), „Профзжій и крестьянинъ“ (1909 г.), „О смертной казни“ (письмо 1910 г.) и др.

Любопытные отдельные отклики Л. Толстого на тѣ или иные вопросы и события общественного характера можно найти въ „дневникахъ“ Н. Гусева (Два года съ Л. Толстымъ) и В. Булгакова (У Л. Толстого въ послѣдній годъ его жизни), и, главное, въ „дневникѣ“ Л. Н. Толстого, изданномъ подъ ред. В. Черткова (т. I.).

Литература о Л. Толстомъ, какъ о мыслитѣлѣ, несмотря на все свое пестрое, мнѣгословное обиліе, вообще не глубока, часто грубо тенденціозна, а иногда и просто груба. Значительный интерес представляютъ работы о Л. Н. Толстомъ, какъ мыслитѣлѣ, Н. Страхова («Толки о Толстомъ», Вопр. Фил. и Псих., 1891, кн. 9.); В. Булгакова „Христіанская этика“, А. Волынскаго „Нравственная философія Л. Толстого“, („Вопр. Фил. и Псих.“, 1890, кн. 5), Иванова-Разумника („Л. Толстой“, гл. V, VII и др.) и горячо продуманныя наблюденія Н. Тимковскаго („Душа Толстого“). Изъ другихъ работъ, посвященныхъ этой же неисчерпаемой темѣ, заслуживають вниманія (правда, съ разныхъ точекъ зрѣнія) слѣд.:—Д. Мережковскій, „Л. Толстой и Достоевскій“ (несмотря на все „каламбурное мышленіе“ этого автора, по опредѣленію Н. Михайловскаго); Д. Овсянников-Куликовскій, Л. Н. Толстой (см. приложеніе); Н. Абрамовичъ, Религія Толстого; Л. Оболенскій, Л. Толстой, его филос. и нравств. идеи; М. Бородкинъ, Л. Н. Толстой, какъ учителъ жизни; А. Козловъ, Религія Л. Н. Толстого; Л. Шестовъ, Добро и зло въ ученіи Л. Толстого и Ницше; Л. Слонимскій, Философія Л. Толстого („В. Евр.“, 1886, № 4); „О религіи Л. Толстого“ (Сборникъ „Путь“ № 2, при участіи С. Булгакова, Евг. Трубецкого, А. Бѣлаго, Н. Бердяева, В. Экземплярскаго, В. Зѣвиковскаго и др.); Н. Заозерскій, Л. Толстого о смыслѣ жизни; П. Сорокинъ, Л. Толстой, какъ философъ; Б. Булгаковъ, Жизнепониманіе Л. Толстого; Александровъ, Ученіе Л. Толстого о жизни (Изд. И. Горбунова-Посадова); Андреевичъ („Опытъ философіи русск. лит.“—гл. о Толстомъ); Е. Бобровъ, Этическія возврѣнія Л. Толстого и филос. ихъ критика („Зап. Юрьевск. У-та, 1891, № 1“); А. Болконскій, Ученіе Л. Толстого о всеобщемъ мирѣ; Н. Минскій, Толстой и реформація; А. Исаевъ, Л. Толстой, какъ мыслитѣль; Ф. Преображенскій, Л. Толстой, какъ мыслитѣль—моралистъ; Р. Дистерло, Л. Толстой какъ художникъ и моралистъ (гл. X и IX); Н. Гротъ, Нравств. идеалы нашего времени (В. Фил. и Псих., т. XVI); В. Щегловъ, Л. Толстой и Ницше; П. Астафьевъ, Нравств. ученіе Л. Толстого и его новѣйшіе критики (В. Фил. и Псих., кн. IV); В. Вересаевъ, Живая жизнь; Д. Философовъ, Л. Толстой (въ сборн. ст. „Старое и новое“); Скабическій, Мысли и замѣтки по поводу пр.-фил. идей Л. Толстого (въ собр. его соч., т. 2); Пругавинъ, О Л. Толстомъ и толстовцахъ (материалы); М. Протопоповъ, Л. Толстой („Лит.—крит. характеристики“); Р. Роланъ, Жизнь Толстого (стр. 161 и слѣд.) и др.